

В следующем месяце, поскольку по соседству въехала важная персона, съемки шоу прошли гораздо гладко, и жилищный вопрос был успешно решен. Хотя четыре звезды женского пола были несколько разочарованы, поклонники Чу Жуна аплодировали.

Раньше, когда знаменитости отправлялись на работу в сельскую местность и испытывали жажду, им приходилось самим носить воду и кипятить ее в чайнике. Но когда Чу Жун почувствовал жажду, ему сразу же подали стакан освежающего фруктового сока.

Всякий раз, когда Чу Жун хотел съесть фрукты, ему приносили тарелки со свеженарезанными фруктами. От этого выиграли даже его коллеги-женщины. Одна из них откусила фрукт и воскликнула: «О боже, эта дыня такая сладкая! Это лучшая дыня, которую я когда-либо пробовала».

Молодой ассистент вмешался: «Это знаменитая «Королевская дыня Юбари» с Хоккайдо, Япония. Это определенно вкусно, и стоит столько за одну штуку». Он жестикулировал пальцами и назвал цену, повергнув артистку в трепет.

«Эти богатые люди точно знают, как наслаждаться жизнью, и Чу Гэ впечатляет. У него есть поклонники даже в таком глухом и нищем месте. Я планировала похудеть во время этой поездки в деревню, но в итоге набрала немного».

Если была очередь Чу Жуна готовить, и у них закончились ингредиенты, к нему тут же подбегал ребенок с корзиной овощей и спрашивал: «Мужской бог, ты хочешь эту морковь или эту капусту?»

Остальные, которым с трудом удалось купить овощи, торгуясь с жителями деревни, потеряли дар речи.

Когда Чу Жун начинал готовить овощи, ребенок стоял рядом, аплодировал и говорил: «Мужской бог такой потрясающий; он даже умеет готовить. Он действительно выдающийся!»

Остальные не могли поверить, насколько это лестно. Они продемонстрировали всевозможные кулинарные навыки, но Чу Жун получил похвалу только за то, что налил масло.

Если бы Чу Жуну поручали продавать овощи в округе без транспорта, ребенок хлопывал бы по заднему сиденью своего трактора и уверенно говорил: «Мужской бог, садись!»

Остальные совершенно не завидовали.

«Когда у меня появится такой заботливый богатый поклонник?» мужчина-артист не мог скрыть своей зависти, желая быть красивой девушкой немного старше. Он пробыл в горах всего несколько дней, и его кожа потемнела из-за жаркого летнего солнца.

Напротив, Чу Жуну, которого баловал его поклонник, не приходилось работать в поле или часами ходить по горным дорогам. В результате его кожа оставалась светлой и сияющей, как будто он отправился в отпуск в деревню.

Люди действительно не могут не сравнивать себя с другими.

Когда он поздно ночью вернулся в столицу и лег на свою мягкую кровать, Чу Жун умело разблокировал телефон. Как и ожидалось, он получил сообщение от своего маленького поклонника.

Поначалу он был равнодушен к юному фанату, но в тот момент, когда фанат предложил вытереть ему пот, когда он наклонился, его сердце необъяснимо екнуло.

Они обменялись контактами, и почти каждую ночь он получал сообщения от юного фаната:

«Мне очень хочется плавать в твоих ключицах, скользить по твоему носу и покачиваться на твоих ресницах».

«Мужской Бог, я послушал твою новую песню, она супер хороша!»

«Мужской Бог, я видел тебя на сегодняшнем мероприятии. Каждый раз, когда я вижу мужского бога, мне приходится вздыхать от красоты мужского бога, которая поистине легендарна».

Этот фанатик радуги всегда говорил такие вещи. Разве им обоим не было неловко?

Хотя он и сказал это, губы Чу Жуна слегка скривились. Он лениво напечатал в ответ: «Сейчас полночь, малыш, ложись спать пораньше. Не продолжай играть со своим телефоном».

Юный фанат тут же ответил: «Хорошо, спокойной ночи, Мужской Бог!»

Затем Чу Жун проверил комментарии к своей новой песне, и, как и ожидалось, семь или восемь из десяти самых горячих комментариев были от его маленького поклонника, чью фотографию профиля он узнал.

Слабая улыбка появилась на его лице, когда он держал телефон и несколько раз читал эти искренние комментарии. Он даже не заметил изгиба собственных губ.

В назначенное время снотворное ему не понадобилось. Он закрыл глаза в хорошем настроении, зная, что такое общение продлится десять лет.

Прошло время, и пришло время получать новогодние красные конверты.

Инь Минлу все равно получил много денег. Поскольку это был год Свиньи, он также получил копилку в форме свиньи. Возможно, дизайн был немного безвкусным, но Минлу он понравился. Он с радостью засунул в ноздри свиньи свои деньги в красном конверте и годовой доход от игр.

Во время Нового года он цеплялся за копилку, как маленький охотник за сокровищами. Он носил ее повсюду, даже во время сна, баюкая ее, как будто высиживал яйца. Это разозлило Ань Мэйцзун, и она не смогла найти возможности забрать его.

Инь Юньцю не мог понять, почему ребенок так одержим деньгами. Он поцеловал сына в лоб и сказал: «Детка, не всегда держись за свою копилку. Что делать, если ты случайно повредишь ногу? Все деньги в будущем будут принадлежать тебе, поэтому ты сможешь тратить их, как захочешь».

Кто бы мог подумать, что, как только ребенок услышит это, на его глазах навернутся слезы, застигнув Инь Юньцю врасплох.

В этот момент Инь Минлу подумал: «Если бы первоначальный владелец действительно был из семьи Инь, это было бы здорово, но, к сожалению, это не так».

Однажды его едва не бросили на улице, когда он выпрашивал еду вместе с нищими на станции метро. Нищий, с которым он был, не мылся несколько дней, но когда наступила ночь, нищего все еще уводил более крупный нищий.

Только он остался один, ни с чем.

«Мне ничего не принадлежит, кроме поросенка». Он заранее готовился, возможно, к тому дню, когда его выгонят в восемнадцать лет, чтобы не оказаться на улице нищим.

Держа золотую свинью, он опустил голову и в отчаянии сказал: «Папа, я не нравлюсь маме, и я не похож на тебя. Я видел много телевизионных драм, где детей меняли при рождении. Может быть, я произошел из камня, а может, сестра-медсестра подменила меня. Как ты думаешь, это возможно, папа?»

В словах ребенка, казалось, был намек, и слезы катились одна за другой. Однако лицо Инь Юньцю похолодело, и впервые он не стал утешать плачущего ребенка, а холодно сказал: «Кто набил тебе голову чепухой? Ты мой ребенок, и тебе не разрешено говорить такие вещи в будущем. Иначе папа тебя накажет».

В глазах мужчины мерцал леденящий свет, его красивое лицо было покрыто инеем. В его взгляде также был намек на холодность, что напугало ребенка, державшего свинью, который перестал плакать и всю ночь прятался под одеялами.

На следующий день он услышал, что Инь Юньцю дал волю своему гневу и уволил нескольких человек из семьи Инь.

На какое-то время семью Инь окутало молчание, даже самого бойкого молодого мастера ругали, и никто не смел переступить дорогу господину Инь. По совпадению, эти люди были очень близки с биологической матерью ребенка, Ань Мэйцзун.

Инь Минлу, которого Инь Юньцю отругал впервые с момента прибытия в семью Инь, не осмелился снова упомянуть об этом. Что касается Ань Мэйцзун, то она просто подумала, что ее план провалился, и почувствовала глубокое разочарование.

Она потратила много усилий, распространяя среди слуг какие-то смутные слухи, надеясь подготовить почву для своей будущей дочери, но эти люди внезапно были уволены.

Никто не знал, что на следующий день после того, как Инь Юньцю выписался из больницы, он на целый день заперся в своем кабинете.

Когда он появился, он снова стал элегантным, отчужденным и знатным молодым господином. Его отношение к ребенку оставалось таким же снисходительным, как и всегда, даже более того, как будто он был готов подарить ребенку луну и звезды.

Даже в частном порядке он подписывал свое имя на некоторых соглашениях о передаче собственности.

Он думал, что его идея, возможно, несколько эгоистична, но он сохранит эту тайну навсегда, не давая знать ребенку, пока он не войдет в свой гроб и не встретит смерть, только для того, чтобы невинное лицо ребенка могло оставаться беззаботным, незапятнанным никакой тьмой.

«Папа, почему ты не подписал мой табель успеваемости?» Голос сына вывел Инь Юньцю из задумчивости. Он понял, что с тех пор прошло двенадцать лет, и Минлу теперь учится в старшей школе, посещая лучшую среднюю школу столицы.

Он вернулся к реальности и ловкой рукой подписал свое имя в разделе для подписей родителей в таблице успеваемости. Он не удосужился прочитать комментарии учителя; он знал, что они будут хвалить характер, интеллект, атлетизм и художественные таланты его сына.

Услышав слова «табель успеваемости», Инь Чжунюань прищурился и наклонился. Он сказал: «Как мой драгоценный племянник повел себя на этот раз? Он снова на первом месте? О, он снова занял первое место в классе. Отличная работа! Ты даже более впечатляющий, чем твой старик; твой старик не каждый раз был первым». Он подумал про себя, что его племянник действительно талантливый ребенок, умный и способный, обреченный на успех.

"Конечно." Инь Минлу гордо выпятил грудь. Если он собирался добиться превосходства, ему

нужно было преуспеть во всех аспектах. Он сфотографировал табель успеваемости и отправил его своему кумиру, почувствовав себя еще счастливее после получения похвалы.

«Эта девушка по фамилии Цзян тоже неплохая. Хотя она и отстает от тебя примерно на десять очков, она стабильно занимает второе место, что тоже впечатляет». Инь Чжунюань указал на второе имя, которое он хорошо помнил из нескольких табелей успеваемости своего племянника.

«Эта девочка училась с тобой в одном классе с начальной школы, это просто совпадение. Ты помнишь стройную и хорошенькую девушку, которую я видел на школьном спортивном празднике?»

Причина, по которой он запомнил, заключалась в том, что девушка вертелась вокруг них во время мероприятия, ее глаза, казалось, хотели что-то сказать, что ему показалось любопытным, поэтому он несколько раз взглянул на нее.

— Да, это она, просто совпадение. Инь Минлу кивнул. Это действительно была удачная ирония судьбы, что кто-то сознательно стремился оказаться в одном классе с ним.

Ему было интересно, о чем думает Цзян Минцинь. Она намеренно училась с ним в одном классе с начальной школы, всегда стремясь конкурировать с ним. Она будет участвовать в любом соревновании, в котором он участвует, по-видимому, желая превзойти его, но делая вид, будто у нее нет таких намерений, как будто боясь, что он заметит.

Инь Минлу это не волновало. Всякий раз, когда он записывался на спортивные мероприятия или математические соревнования, Цзян Минцинь отступала, зная, что она не сильна в этих областях.

Она кусала губу, наблюдая, как он сияет на ежегодном спортивном дне, в то время как она могла только подбадривать его со стороны, будучи низведенной до роли чирлидера.

Изначально Инь Минлу планировал в тот день побежать в школу, но понял, что опаздывает, и у него не было с собой никаких сдачи. Итак, он достал телефон и просканировал ближайший желтый велосипед, мчавшийся в сторону школы.

Он едва добрался до класса вовремя, где обнаружил своего лучшего друга, Чжэн Цзяннина, известного как «Король демонов семьи Чжэн», уверенно сидящего на своем месте в темных очках и с подключенными черными наушниками.

Инь Минлу игриво снял наушники, показывая иностранные новости, играющие внутри: «Слушаешь английский, да? Ты такой серьезный, Нин. Это не похоже на тебя. И что это за солнцезащитные очки? Тебе лучше их снять; учитель скоро придет».

— Разве учитель вчера не просил подписи? Чжэн Цзяннин ответил с кривой улыбкой: «Ты, как занявший первое место, несомненно, в безопасности. Когда я взял с собой домой свой табель успеваемости в качестве постоянного ориентира, мой отец сразу разозлился. Он схватил тряпку из куриных перьев и пригрозил меня отшлёпать».

«Я увидел, что он быстро движется на юг, поэтому быстро ускользнул. Но мой папа, этот хитрец, схватился за грудь и тут же рухнул. Я подумал, что вызвал у него стресс, поэтому побежал обратно, чтобы помочь ему, но меня поймали и хорошенько избили».

Говоря это, он не мог не коснуться области вокруг глаз снова, испустив болезненный крик. Звук, несомненно, был подлинным, и Инь Минлу почувствовал сочувствие. Он думал, что семья Инь не склонна к телесным наказаниям, но, возможно, он вел себя слишком хорошо, что сделало его невосприимчивым к телесным наказаниям?

«Кстати, что у тебя с прической? Ты сегодня снова катался здесь на общем велосипеде? Быстро расчеши волосы; это слишком грязно. Позже мы примем участие в формировании квадрата». Чжэн Цзяннин достал из ящика расческу и протянул ее Инь Минлу.

Инь Минлу взял ее и небрежно пригладил растрепанные волосы, прежде чем уложить их.

С момента входа в класс за Инь Минлу наблюдала Цзян Минцинь. Теперь она мягко заговорила: «Одноклассник Инь Минлу, разве твоя семья не очень богата? Почему ты приехал сюда на общем велосипеде?»

На самом деле она хотела спросить, не нравится ли он больше папе, поэтому он не организовал для него транспорт, заставив кататься на общем велосипеде. Хотя это казалось маловероятным, ей просто хотелось задать еще один вопрос, порассуждать и облегчить свои чувства.

Чжэн Цзяннин, не подозревая об их отношениях, отнесся к Цзян Минцинь как к обычной однокласснице и сказал: «Ах, ты не знаешь этих чертовски богатых людей. Чем они богаче, тем скупее они становятся. У них в гараже десятки спортивных машин и четыре или пять водителей, но они хотят оставаться в форме. Поэтому он каждый день катается на общих велосипедах стоимостью один юань по городскому рву».

Прежде чем он смог продолжить, Инь Минлу хлопнул его по тыльной стороне руки и сказал: «Почему ты говоришь чепуху? Ты тоже один из этих чертовски богатых людей. Не веди себя так, будто это не так. Кроме того, завтра у нас в школе спортивный день, и я просто разминаюсь заранее».

Как только Инь Минлу упомянул о школьном спортивном дне, одноклассники вокруг него тут же собрались, взволнованно болтая: «Одноклассник Инь, мы рассчитываем на тебя завтра на дистанции 3000 метров! Давай, беги изо всех сил! Мы поддержим тебя!»

«И марафон тоже в твоих руках! Если ты не принимаешь участие, нашему классу не с кем будет соревноваться». Член спортивного комитета добавил, выразив благодарность Инь Минлу.

Ему повезло, что Инь Минлу взялся за проекты, в которых никто из обычного класса не хотел участвовать, и решил одну из его самых больших проблем. По сравнению с другими членами спортивного комитета класса, которым приходилось каждый год умолять своих предков, чтобы кто-нибудь записался на мероприятия, ему чрезвычайно повезло.

«А что, если я завтра побегу слишком медленно в эстафете?» — спросила робкая девочка, опасаясь, что она может потянуть класс вниз.

«Не волнуйся, Минлу потрясающий. Если ты не упадешь и передашь ему эстафету, он финиширует первым». Другой мальчик успокоил ее, показав Инь Минлу большой палец вверх.

Опять так, вот так!

Каждый раз, когда Инь Минлу начинает говорить и представляет тему, ему быстро удается привлечь внимание окружающих. Все собираются вокруг него, заставляя про ее забыть, как если бы она была всего лишь второстепенным персонажем.

Цзян Минцинь незаметно сжала свою ладонь, втайне возмущаясь: «Но ты можешь сиять только днем. Ночью это моя сцена! Я полна решимости поразить всю публику!»

<http://bllate.org/book/14980/1325337>